

**К ВОПРОСУ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ:
МЫСЛИ ВСЛУХ**

Тимофеева С. В.

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы диалектического единства науки и социальной практики, их мирного сосуществования и взаимодополнения, приводится авторский анализ фрагмента пушкинского текста.

Ключевые слова: наука, практика, генетическое обременение науки, социальные практики, обдуманная интеграция практики и теории, доминанта зависти.

**TO THE ISSUE OF PEACEFUL COEXISTENCE OF SCIENCE AND
PRACTICE: THINKING OUT LOUD**

Timofeeva S.V.

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: The article deals with the issues of the dialectical unity of science and social practice, their peaceful coexistence and complementarity. The author provides an analysis of a fragment of Pushkin's text.

Key words: science, practice, genetic encumbrance of science, social practices, deliberate integration of practice and theory, envy dominant.

«Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь»

А.С. Пушкин

Наука всё чаще оперирует термином, понятием «практики», целенаправленно фокусируя взгляд системы образования на предмет её практикоориентированности (ФГОС нового поколения тому пример), на совершенствование реализуемых методов, приёмов, подходов, способных активно развёртываться в реальных социокультурных условиях. «В широком смысле под практикой подразумевают все виды чувственно-предметной деятельности человека». Исследователь Н.К. Иконникова: «Практики – это сложившиеся общепринятые формы деятельности, отражающие совокупный опыт индивидов и групп, являющихся субъектами этой деятельности... в зависимости от субъекта практик они могут быть индивидуальными и коллективными» [2]. Учёные выделяют следующие разновидности практик: образовательные, гражданские, правовые, экономические, психологические, патриотические, научные, профессиональные, производственные, воспитательные, исследовательские, творческие, художественные, социальные, коммуникативные, медицинские, здоровьесберегающие, волонтёрские,

религиозные, духовные, досуговые и т.д. Виды практик весьма разнообразны, а названия их варьируются в зависимости от конкретного содержания практики (сугубо принципиальных различий здесь нет). При этом следует заметить: все разновидности практик в той или иной мере являются культурными, поскольку осуществляются человеком в социальной среде (окультуренной им же самим и приспособленной к жизнедеятельности). Другой вопрос: на какой аспект культурной практики (или вид деятельности) в данный момент сфокусировано, сосредоточено внимание человека (исследователя, учёного), та разновидность практики и будет для него ведущей, предметной. Цель практик: показать взаимосвязь и интеграцию всех субъектов социума, многообразие культурных влияний, найти новые культурные смыслы и модификации для дальнейшей теоретической рефлексии, получить опыт, опытное знание, «Опыт – это то, из чего ты сам выходишь изменённым» (М. Фуко); овладеть практикой – это значит овладеть смыслом.

Идеология практик («социальных практик», в частности) берёт своё теоретическое начало в трудах Карла Маркса и Макса Вебера, затем развивается в работах зарубежных и отечественных исследователей (А.А. Борисов, В.В. Волков, Э.Н. Гарсия, М.П. Гурьянова, И. Добренёв, Т.И. Заславская, Н.А. Иванова, С.И. Казанцева, В.М. Максимова, А.И. Кравченко, Н.Г. Никитина, М.А. Шабанова, Н.И. Элиасберг и др).

Практики – это сфера повседневности человека, та реальная жизнь, живая быль, социальная действительность, которая окружает его, реальное социальное жизненное пространство (в отличие от виртуальной, искусственной реальности). «Пространство» – «место, способное вместить что-либо, характеризуется протяжённостью и объёмом» (по С.И. Ожегову) [3]; задержимся здесь немного в рассмотрении его особенностей. Видовое понятие «жизненное пространство» (термин введён социологом К. Хаусхофером, 30-ые годы XX в.) также имеет пространственно-временные характеристики для обозначения многомерности, многоструктурности, многослойности (по типу матрёшки) равнозначных жизненных сфер, сред, относительно ограниченных; это динамичная изменчивая система [3; 6]. Социальной психологией и философией (И.П. Бердников, В.Н. Гасилин, Э. Гуссерль, Н.В. Козлова, Н.А. Кондратова, Д.А. Леонтьев, И.Ю. Малкова, Е.Б. Миронова, Н.В. Пушкарёва, О.Ф. Филимонова, Ю.Г. Хаерова, Г.П. Щедровицкий и др.) понятие стало использоваться как многомерный аналог понятия «поле» (теория немецкого психолога Курта Левина) [3; 8]. Жизненное пространство человека уже от рождения его наполнено разными ценностями («притягивающие полюса разной природы»), разными культурными смыслами, оно представляет некое «смысловое поле» (Л.С. Выготский). В жизненном пространстве человек ведёт себя избирательно («теория психологического поля» объясняет поведенческие проявления человеческой личности), сообразно своим потребностно-мотивационным установкам, ценностным представлениям и ориентациям [3; 6].

Исторически сложилось, что практика, первые виды практики – первоначально возникают ещё на заре появления человеческой цивилизации как признак именно человеческого разумного существования (социально-

трудовые практики, религиозные). Следует отметить, что повседневный практический социальный опыт, эмпирические (практические) знания приобретаются человеком много ранее, чем возникает и оформляется наука (конкретно рациональная европейская) как форма познания, как форма общественного сознания. Наука как теоретическое знание (точное, верифицируемое) с проведением разного рода экспериментов; наука как рефлексия жизненной практики, её результатов (для дальнейшей возможно корректировки выдвинутых гипотетических научных предположений, догадок). Наука (объективное научное знание) вырастает из практики, на почве практики, практика есть её родитель, генетическое обременение у науки. Практика даёт науке темы и идеи для осмысления, теоретических построений и убедительных доказательств. В практике (реальной жизненной действительности) может объективно наличествовать то, что наука ещё не успела отразить (и чему возможно ещё даже не дала наименование). Все теоретические постулаты, выкладки и гипотезы проверяются на практике, «в жизни каждого дня». Согласно точному замечанию Ю.М. Лотмана (описывающему механизм культуры, статья «Феномен культуры»): «...по мере роста знания незнание будет возрастать, а не уменьшаться, а деятельность человека затрудняться» [4, С. 34-45]. И здесь, видимо, сократовское «Я знаю, что ничего не знаю» – единственная когнитивная убежденность учёного, заставляющая его погружаться целиком во всё расширяющееся социальное (или природное) неведомое.

Великий И. Гёте в трагедии «Фауст» устами Мефистофеля к ученику произносит: «Суха теория, мой друг, но древо жизни вечно зеленеет» [1], акцентируя ценность живой жизни, живой реальной практики, за которой уже, вслед которой и следует теория, наука. И в тоже время в этих пронизательных словах можно увидеть опосредованное (косвенное) предостережение Гёте тому, кто замыкается в кабинетном лукавом мудрствовании, сухом теоретизировании, умозрительном интеллектуализме, отгораживаясь от быстро меняющихся, порой неоднозначных и противоречивых реалий окружающей жизни, теряя отсюда чувство научной меры, ощущение жизненной реальности, живя в умозрении без красок.

Опасения относительно того, что возможен дисбаланс, перекосящий в единой функциональной системе (практика – наука) совершенно не напрасны: примеры теоретизирования, не подкрепленные жизнью-практикой, либо практики, оторванной от науки – в истории известны. Диалектическую связь теории (науки) с социальной практикой, их целостность всегда подчёркивали мыслители. Жизнеспособные теоретические построения возможны только на основе обдуманной интеграции практики и теории. Необходимо тщательно коррелировать (соотнести), соизмерять науку и практику, поскольку они связаны друг с другом по общенаучному «принципу дополнительности» (Нильс Бор), идут «рука об руку». Проверить эффективность теоретических положений можно только посредством и с помощью практики, через живую ткань практики. Общеизвестен классический тезис: «практика есть критерий истины». Принцип «мирного сосуществования» практики и науки – это

принцип целесообразности (полезности, разумности, уместности), и это есть неременное условие развёртывания модели социальной целесообразности: не имея социальной практики, незачем было бы проверять и интеллектуальную теорию.

И в тоже время подчеркнём: на науке (на учёных) лежит бóльшая социальная ответственность за конструирование точных научных формулировок, за адекватное применение содержания уже имеющихся, укоренённых формулировок, иначе на практике (в угоду науке) неизбежны (к сожалению) подмена понятий и их содержаний, манипулирование, жонглирование научными понятиями, изобретение велосипеда. Отсюда закономерно наблюдаемый перекося, дисбаланс равнозначных величин, совершенная очевидность их рассогласованности. И кто же тогда из этих равнозначных величин (практика – наука) оказывается в страдательном залоге? Вопрос, как говорится, интересный.

Возникающий здесь в связи с этим ассоциативный ряд, «школа быстрейших ассоциаций» (Осип Мандельштам) обращает наше внимание опять к великим: в пушкинских «Маленьких трагедиях» злодей и завистник Сальери разражается в адрес «безумца, гуляки праздного» Моцарта гневным истеричным монологом, который вынашивал он своим воспалённым разумом, пестовал внутри себя испепеляющую дьявольскую энергию зла, и в котором видна вся его жизненная стратегия и тактика, его разрушительное жизненное кредо, напрочь уничтожившее нутро его самого, остатки души. Смердит Сальери. И как апофеоз искушённого бездыханного ремесленника, как смертный приговор, подписанный самому себе, признательные слова «Поверил / Я алгеброй гармонию». Всё. Сальери, «в науке искушённый» (!), этим своим ошибочным убеждением (которое сформировалось далеко не в момент высказывания !) уничтожил сам себя. С помощью самых наиточнейших математических подсчетов, закономерностей алгебраических всё же вычислить, как рождается ткань гармонии («музыка сфер», высший дар Небес) невозможно (и, слава Богу). У Сальери (клиент, конечно, для патопсихологов) «глаза застила» зависть («...я ныне / Завистник. Я завидую; глубоко, / Мучительно завидую.»), зависть заполнила всё его существо. И вследствие этого разрастающегося метастазой чернейшего чувства в структурах его головного мозга происходит нарушение процесса логического мышления. С позиций логики у Сальери наука («алгебра») и практика («гармония», ткань жизни живой) поменялись местами. Диалектическая же логика, диалектические закономерности мышления обуславливают такую последовательность: человеку следует гармонией поверять алгебру, но не наоборот.

В пушкинском контексте, конечно же, не «алгебру» как таковую повергает ниц автор, а слепое порабощение человека своими низменными страстями и пороками. Налицо происходящее (по закону бумеранга, диалектического закона причин и следствий) сжирание нутра души Сальери его же пороком. Относительно алгебры и чисел: конечно же, гений и провидец Пушкин не мог не знать (и не чувствовать) того, что ещё великий Пифагор

утверждал: гармония Вселенной основана на числах, и «мир есть число» («Пифагорейские стихи»).

Сальери, по сути, превратился в «хитроумие вычисляющих машин» (М.Хайдеггер), «машинерию» (Г.П. Щедровицкий) в чистом виде, в страшное существо – человека-полумашину, человека-полуробота, человека эпохи (если хотите) постмодернизма («постчеловека») с его неуёмной прагматичной жаждой «презренной пользы». Ставка на науку, заикленность на технической стороне («перстам /Придал послушную, сухую беглость»), понимание рождения музыки как сугубо технологического процесса вылилось постепенно в сформировавшееся машинное мышление («Ремесло/ Поставил я подножием искусству; /Я сделался ремесленник:»), в виртуальное патологоанатомическое действие («Звуки умертвив, / Музыку я разъял, как труп.»), потом и в физическое убийство. Разрешив себе убить музыку (гармонию, данную Свыше), Сальери (сгусток зла, сам потому уже и труп) затем убивает Моцарта («сына гармонии», музыканта от Бога). Движение жизни Сальери однозначно идёт по горизонтальной плоскости – амбициозная цель («Достигнул степени высокой. Слава/ Мне улыбнулась;»), самовозвеличивание, неприкрытый цинизм, жёсткий холодный расчёт, агрессивное начало (упакованное в чисто внешний политес), злобная неутихающая зависть к Моцарту, доминанта зависти («и наконец нашел/Я моего врага,») [7] – сыграли с Сальери (на всю его оставшуюся жизнь) злую шутку: Высшей Волей (Законами Природы) он был обесточен, отрезан от Гармонии Небесной, сделавшись рабом постыдной зависти, став безвольным исполнителем злой демонической воли. Мрачный, сильный, но глубоко несчастный персонаж с тяжелейшей inferнальной энергетикой.

Магия гения А.С. Пушкина завораживает, закручивает, затягивает как воронка, поглощает целиком, и уже не остановиться. Можно снимать слой за слоем, ткань за тканью, чувствовать бесчисленное количество контекстов, подтекстов, слоёв: поэтических, музыкальных, цветовых, философских, находя всё более новые оттенки и краски. Чарующая небесная звукопись. И (Но) эта «игра в бисер» бесконечна.

Литература

1. Гёте, И.В. Фауст. – М.: Детская литература. – 1969.
2. Иконникова, Н.К. Человек в коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_1/9.pdf Дата обращения 11.07.16 12:15.
3. Лихтарников, А.Л. Ценностно-смысловое развитие личности: нормальное и патологическое ценностное жизненное пространство человека // Смысловые пространства современного человека: Сб. научных статей. – СПб., – 2005.
4. Лотман, Ю.М. Феномен культуры // Избранные статьи в трёх томах. – Т.1 Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин. – Изд-во Александра. – 1992.

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Под ред. Чл-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд. Стереотип. – М.: Русс. яз. – 1986.

6. Тимофеева, С.В. Проблема ценностей и формирования ценностных ориентаций личности. – Красноярск.– 2009.

7. Пушкин, А.С. Маленькие трагедии. Моцарт и Сальери. – М.: Художественная литература. – 1960.

8. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Губского Е.Ф. – М.: ИНФРА-М. – 1997.